

УДК 811.112'25

К ВОПРОСУ О КАЧЕСТВЕ УСТНОГО ПОСЛЕДОВАТЕЛЬНОГО ПЕРЕВОДА И ПАРАМЕТРАХ ЕГО ОЦЕНИВАНИЯ

Д.А. Данильченко, канд. филол. наук (Харьков)

Исходя из требований, предъявляемых к устному переводчику на практике, в статье анализируются основные параметры, релевантные для модели оценивания односторонних и двусторонних последовательных переводов в процессе обучения будущих переводчиков. Модель предполагает учёт трёх аспектов: презентационные навыки и профессиональное поведение, передача содержания и непосредственно языковая сторона перевода.

Ключевые слова: устный последовательный перевод, методика обучения переводу, оценивание устного перевода.

Д.О. Данильченко. До питання про якість усного послідовного перекладу та параметрах його оцінювання. Виходячи з вимог, які висуваються до усного перекладу на практиці, у статті проаналізовано основні параметри, що є релевантними для оцінювання одно- та двосторонніх послідовних перекладів у процесі підготовки майбутніх перекладачів. Модель передбачає врахування трьох аспектів: презентаційні навички і професійна поведінка, передача змісту та безпосередньо мовна сторона перекладу.

Ключові слова: усний послідовний переклад, методика навчання перекладу, оцінювання усного перекладу.

D.A. Danylchenko. Evaluation of consecutive interpretation: Quality assessment parameters. Based upon requirements to interpretation determined by professional life, this article is intended to review the main parameters which are relevant for assessment of unilateral and bilateral interpretation within interpreter training programs. The evaluation model covers three areas: presentation skills and professional behaviour, content consistency with original message, master of foreign and native language.

Key words: consecutive interpretation, methods of teaching translation, quality assessment in interpretation.

Неоспоримым является тот факт, что оценка качества устного перевода (далее – УП) значительно отличается от письменного перевода (далее – ПП) в силу нескольких факторов. Одним и, пожалуй, самым важным из них является непосредственная вовлеченность устного переводчика в процесс общения, поскольку он как участник межъязыковой коммуникации работает в режиме “здесь и сейчас”, тогда как переводчик письменных текстов остаётся в большинстве случаев “за кадром”, нередко он лично даже не знаком ни с автором, ни с адресатами результата своей деятельности. Устного переводчика – не без некоторой доли иронии – называют “необходимым злом” (“notwendiges Übel”, “necessary evil”) для межъязыковой и межкультурной коммуникации, так как он в значительной степени регулирует процесс общения. Факторы, влияющие на качество УП, во многом не совпадают с теми, которые релевантны для ПП. В силу того, что

УП и ПП как виды языкового посредничества значительно отличаются друг от друга, в немецких университетах, например, обучение УП и ПП относится к разным специальностям, а в зависимости от специализации в дипломах разграничиваются “устный переводчик” (Diplom-Konferenzdolmetscher) и “письменный переводчик” (Diplom-Übersetzer). Данное разделение связано с тем, что эти два направления переводческой деятельности требуют овладения далеко не идентичными навыками и умениями.

Качество УП становится объектом интенсивных дискуссий в зарубежном переводоведении конца XX – начала XXI ст. [2 – 9]. В частности, поднимаются вопросы о возможности объективной оценки УП [3; 9], дискутируются её критерии с различных перспектив [2; 6; 7], изучается феномен переводческой компетенции и её составляющие [1; 5; 8]. Актуальность данной статьи обуслов-

лена двумя комплексами прикладных вопросов. Во-первых, разработка критериев оценки качества УП является приоритетной для академического процесса подготовки специалистов в университетах. Во-вторых, необходимость в исследовании этой проблематики продиктована переводческой практикой. На рынке переводческих услуг в последние годы наблюдается выраженный избыток предложения, но далеко не всегда уровень соответствующих услуг можно назвать удовлетворительным. При этом последнее замечание касается не только постсоветских стран и Украины в частности, где профессия переводчика переживала длительный бум и где лишь в последние несколько лет намечился спад интереса к данной специальности. Перенасыщение рынка наблюдается и в Западной Европе. Например, в Германии предложение услуг устных переводчиков с русским языком явно во много раз превышает существующий спрос. Этот дисбаланс является, очевидно, результатом миграционных процессов: многочисленные переселенцы из стран бывшего СССР, которые либо выросли билингвами, либо освоили немецкий язык за долгие годы пребывания в стране в достаточной степени, претендуют на оказание услуг по языковому посредничеству по принципу “умею говорить – могу переводить”, прибегая при этом для получения заказов к значительному демпингу. Какие-либо представления о профессиональной этике данным субъектам рынка переводческих услуг весьма чужды. Профессиональные переводчики вынуждены считаться с существованием подобного “конкурентного” предложения в неограниченных количествах и защищать свои профессиональные интересы. На сегодняшний день этап первичного хаоса в значительной степени преодолен благодаря слаженной деятельности специалистов, сделавших ставку на развитие профессиональных ассоциаций: регионального подразделения AIIC (Association Internationale des Interprètes de Conférence – Международная ассоциация конференц-переводчиков) и BDÜ (Bundesverband der Dolmetscher und Übersetzer e.V. – Немецкая ассоциация устных и письменных переводчиков), которые лоббируют интересы членов ассоциаций, в том

числе и на законодательном уровне. Однако в Германии всё ещё нерешённым остаётся главный вопрос: закон не ограничивает право именовать себя “устным переводчиком” (Dolmetscher) или “письменным переводчиком” (Übersetzer) и каждый, кто считает, что владеет двумя иностранными языками, теоретически может себя таковым называть. Одно из немногих ограничений действует для штатных переводчиков при работе в правоохранительных и судебных органах, где требованием является статус “присяжного переводчика” (staatlich beeidigter / vereidigter, öffentlich bestellter Dolmetscher / Übersetzer).

Цель настоящей статьи заключается в обобщении критериев, релевантных для анализа УП студентов на занятиях в рамках курса “Практика устного перевода” (III – V курс). Объектом изучения является процесс обучения устному последовательному переводу на его начальном и продвинутом этапах. Предметом анализа выступает комплекс умений и навыков, конституирующий переводческую компетенцию, а именно её лингвистические и экстралингвистические составляющие.

Традиционно занятие по УП в большинстве отечественных вузов предусматривает одно- или двукратное прослушивание студентами отрезка текста, записанного на аудио- или видеоноситель, с последующим воспроизведением перевода, основываясь на скорописи, осуществлённой во время восприятия оригинала. Обсуждение и оценка УП сводятся преимущественно к анализу полноты передачи текста оригинала на ЯП, его грамматической и стилистической корректности, адекватности выбора ЛЕ и ошибок в артикуляции. Таким образом, академическая оценка УП практически идентична оценке ПП.

Оценка перевода на практике значительно отличается от академической уже в силу того, что каждый из участников переговоров или слушатель выступления, за редкими исключениями, хорошо понимает только свой родной язык: либо ЯО, либо ЯП. В данном случае мы не рассматриваем ситуации, когда адресат перевода владеет обоими используемыми языками, но в силу каких-либо при-

чин прибегает к опосредованной коммуникации. Чаще всего речь в таких случаях идёт о политических деятелях или других лицах с высоким социальным статусом: эта модель коммуникации имеет продолжительные традиции и использовалась ещё сенаторами в Римской империи при общении с греками [10, с. 167].

Адресаты перевода чаще всего не в состоянии оценить уровень переводчика в разрезе языковой компетенции (за исключением ситуаций, когда переводчик явно не справляется со своей работой), но при этом непроизвольно первый план выступают экстралингвистические аспекты перевода: умение переводчика работать перед и с аудиторией (“умение держаться”), мимика, жестикация, зрительный контакт с участниками коммуникации, стиль работы с аудиторией и т. д. Основываясь на общем впечатлении о переводчике, участники коммуникации и даже посторонние наблюдатели за короткий промежуток делают свои выводы об уровне его квалификации. Принимая это во внимание, бесспорной представляется необходимость всесторонней подготовки будущих устных переводчиков к реальным условиям и требованиям профессиональной жизни.

Осознание недостаточной корреляции процесса обучения с требованиями практической деятельности приводит к переосмыслению системы подготовки устных переводчиков в западноевропейских университетах. Одним из таких примеров выступает Лейпцигская модель переводческой компетенции, разработанная В. Куцем и его коллегами в 90-е годы XX ст.. Исследователь выступает за необходимость формирования переводческой компетентности как многогранного явления, включающего не только высокий уровень владения ИЯ и РЯ, адекватность передачи содержания, но и делая значительный акцент на специфике профессионального поведения переводчика, особенностях его интеракции с другими участниками коммуникативной ситуации. Представленный ниже алгоритм анализа и оценивания УП, во многом опирающийся на модель переводческой компетенции В. Куца и предложенную им в 1997 году систему анализа переводов [6], используется на про-

тяжении нескольких лет в рамках занятий по УП на кафедре немецкой филологии и перевода ХНУ им. В. Н. Каразина. В основе данного алгоритма лежит понимание переводческой компетенции как сочетания презентационных навыков, адекватности передачи содержания и выбора целесообразной стратегии перевода, а также уровня практического владения родным и ИЯ, что и находит отображение в трёх блоках, коррелирующих с каждым из названных аспектов.

I. Презентационные навыки и профессиональное поведение переводчика

В рамках данного блока анализируется общая компетентность переводчика в организации процесса межкультурной коммуникации: стремление обеспечить максимально возможный успех переговоров (при двустороннем переводе) и достижение прагматических целей докладчика (при одностороннем переводе). Здесь целесообразно выделить следующие подпункты:

1) Уверенность переводчика в своих знаниях и умениях, которая непроизвольно передается и другим участникам общения. При этом важно различать уверенность в себе и излишнюю демонстративную, подчеркнутую самоуверенность.

2) Умение работать с аудиторией: осанка и манера держаться; мимика и жестикация и их уместность (часто они являются моторной компенсацией психологического напряжения).

3) Зрительный контакт с аудиторией или со всеми участниками переговоров не только при непосредственном переводе, но и уже во время осуществления записей.

4) Отсутствие или наличие долгих пауз, “спотыканий”, звуков-паразитов.

5) Техника переводческих записей и их эффективность: одним из часто проявляющихся признаков непрофессионализма является неспособность переводчика при последовательном переводе “расшифровать” свои собственные записи.

6) Реакция переводчика на критику. Критика как своего рода дестабилизирующий фактор для переводчика может быть объективной, если коммуникант чувствует, что его высказывания намеренно или непреднамеренно “фильтруются” (это

можно проверить, даже не зная языка, слушая, прозвучали ли в переводе названные имена собственные), передаются в искаженной форме или – что часто приходится наблюдать – значительно сокращаются. Критика может быть и неоправданной. Случаи безосновательной критики наблюдаются тогда, когда один из участников использует критику точности перевода как коммуникативную стратегию, стремясь либо запутать собеседника, либо скрыть свои собственные ошибки, перекручивание фактов, некомпетентность (“Тут что-то переводчик нахомутил” [1, с. 8]), либо чтобы проверить реакцию собеседника на неоднозначное предложение или рискованный коммуникативный ход, а потом, в случае отсутствия желаемой ответной реакции со стороны партнера по переговорам, дипломатично “отыграть” ситуацию, ссылаясь на ошибки в переводе.

II. Передача содержания

В данном блоке оценивается полнота и точность передачи содержания, т. е. установление эквивалентности между оригиналом и переводом. Для оценки передачи содержания при последовательном переводе представляется целесообразным исходить не из уровней эквивалентности, а из степени важности переданной и утраченной информации. Информационное насыщение высказывания уместно разделить на несколько иерархических уровней в зависимости от значимости тех или иных компонентов информационной структуры. Выделяют три степени “коммуникативной релевантности информации” (повышенная, стандартная и низкая), обозначая их, соответственно, латинскими буквами А, В, С [срн. 6; 7]. *Информация А* коррелирует с “коммуникативным ядром высказывания”, в её передаче и заключается основная мысль высказывания. Сюда также относятся имена собственные, числа, обращения, а также вступительные слова и завершение выступления. Если информацию А можно резюмировать в одном-двух предложениях, то *информация В* – это раскрытие и обоснование основной мысли высказывания, включая логические взаимосвязи (каузальные, модальные, временные, уступительные и т.п.) в рамках основной мысли. *Информация С* представляет

собой второстепенную информацию, которая является менее важной, чем А и В: упомянутые в предыдущих информационных блоках факты; перефразирование уже переданной информации; детали, которые очевидны из контекста; части однородных перечислений и т.п.

При анализе данного блока необходимо учитывать следующие подпункты:

1) Утрата или искажение информации А и В, а также последствия соответствующих ошибок для коммуникации (как правило, это приводит к значительным недоразумениям и трудностям в процессе коммуникации).

2) Смещение акцентов (неправильное определение важности того или иного компонента содержания, ошибки при передаче существенных деталей).

3) Наличие в переводе недопустимых дополнений, обобщений и уточнений, т.н. “отсебятины”.

4) При передаче содержания ключевая роль отводится механизму самоконтроля как “нонсенс-фильтр”: переводчик не должен произносить того, что изначально не может соответствовать действительности, того, что говорящий не мог сказать аргіогі. Причиной появления нонсенса в переводе являются два фактора: объективный и субъективный. Под включением объективного фактора мы понимаем ситуации, когда коммуникант высказал нечто, явно противоречащее логике, здравому смыслу или сообщённой до этого информации, но при этом переводчик уверен в том, что он правильно понимает слова говорящего. Тем не менее, переводчик по возможности должен обратиться к нему и уточнить, действительно ли он подразумевал всё так, как было понято переводчиком. Безусловно, некоторые коммуникативные ситуации (например, перевод лиц с высоким социальным статусом или выступление перед большой аудиторией) исключают возможность постановки уточняющего вопроса. Нельзя исключать, что коммуникант оговорился. Важно не допускать перевод по принципу GIGO (“garbage in, garbage out”, “абсурд в сообщении, абсурд в переводе”) Под субъективным фактором, приводящим к появлению нонсенса в переводе, мы подразумеваем си-

туации, когда переводчик не понимает или явно неправильно понимает коммуниканта и сам это осознаёт. Здесь рекомендацией также является постановка уточняющего вопроса. На занятиях по двустороннему переводу у начинающих переводчиков необходимо сформировать осознание двух фактов относительно специфики уточняющих вопросов. Во-первых, постановка подобного вопроса не должна имплицировать собственную некомпетентность или напрямую ставить под сомнение справедливость высказывания говорящего, а тем более содержать оценочный компонент (“Я не понимаю, что Вы говорите”, “Неужели Вы имеете в виду, что...?”). Вопрос должен формулироваться с соблюдением принципов корректности и дипломатичности (“Не могли бы Вы, пожалуйста, повторить...”, “Правильно ли я понял, что...?”, срн. немецкий коммуникативный штамп в подобных ситуациях: “Ich habe Sie leider akustisch nicht verstanden...”). Во-вторых, уточняющие вопросы не должны “выходить в тираж”, т.е. задаваться слишком часто – это даёт основание усомниться в компетенции переводчика и раздражает собеседника.

5) Использование переводческих трансформаций и их уместность (компрессия – экспансия – генерализация – импликация – конкретизация – модуляция – целостное преобразование и др.)

III. Переводческая компетенция в аспекте владения родным и иностранным языком

Традиционно этому комплексу уделяется наибольшее внимание. Здесь целесообразно выделить ряд подпунктов, релевантных для анализа:

1) Степень владения переводчика иностранным языком: лексическая и грамматическая корректность перевода, оценка произношения.

2) Степень владения переводчика родным языком.

3) Когезия и когерентность в переводе. Здесь уместно остановиться на двух факторах. Во-первых, необходимо определить, был ли перевод понятным и лёгким для восприятия. Ключевую роль при этом играет синтаксическая структура перевода и использования средств когезии. Во-вторых, надо установить, привели ли ошибки в языке к на-

рушению логической структуры высказывания, к трудностям при восприятии и понимании перевода. Данный подпункт тесно взаимодействует с предыдущим блоком: если в первом случае акцент делается на аналитические способности переводчика (определить информационную структуру сообщения, правильно расставить коммуникативные приоритеты, выявить степень релевантности отдельных компонентов сообщения), то здесь фокусируются навыки языкового оформления, воссоздания адекватного сообщения на ЯП путём корректного использования языковых средств различных уровней.

4) Темп речи и риторика перевода, использование просодических средств. Просодика и риторика не являются универсальными величинами, а частота и форма их реализации зависят от конкретной лингвокультуры, в том числе и с учётом социолингвистической составляющей. Частный случай: использование просодических маркеров как средства передачи иронии, шуток, при использовании смысловых оппозиций как средство эффекта отчуждения.

5) Стилистическая и терминологическая адекватность перевода оригиналу.

6) Учёт коннотативных значений лексических единиц в ЯО и в переводе, которые накладывают ограничения на их использование (т.н. “прагматические табу” [6]).

7) Приёмы перевода, использованные при передаче фразеологизмов: метафоризация – реметафоризация – деметафоризация. Фразеологизм зачастую привносит определённый образ и именно с образностью связаны большие риски прагматического характера в переводе. Нередко приходится наблюдать, как студенты или начинающие переводчики пытаются “блеснуть” знаниями фразеологизмов и используют их не всегда удачно, явно не учитывая такие характеристики ФЕ как ситуативная уместность (далеко не все ФЕ стилистически нейтральны, как правило, им присуще выраженное коннотативное значение, что накладывает ограничения на их употребление) и специфика адресата (в силу коннотативных значений и регистра ФЕ не всегда можно использовать в любой ком-

муникативной ситуации и при общении с любым адресатом). При употреблении фразеологизмов в УП мы рекомендуем, во-первых, не использовать приём метафоризации (использование ФЕ в переводе, если её не было в оригинале), крайне взвешенно применять приём реметафоризации (замена образного выражения в оригинале на другое образное выражение в переводе). Во-вторых, в случае каких-либо сомнений относительно прагматического эффекта фразеологизма следует прибегнуть к деметафоризации (отказ от образного выражения и его замена на нейтральное). В аспекте фразеологии устному переводчику рекомендуется придерживаться принципа: пассивное владение как можно большим количеством ФЕ при их сдержанном активном использовании.

8) Семантическое и контекстуальное понимание незнакомых ЛЕ в ИЯ, при котором “срабатывают” механизмы вероятностного прогнозирования значения незнакомой или окказиональной ЛЕ, опираясь широкий контекст и анализ словообразовательных элементов сложных слов.

9) Выбор приёмов передачи национально-культурных реалий и неологизмов (безэквивалентной лексики). Здесь речь идёт об *объективном отсутствии эквивалентов* в лексической системе одного из языков, т.е. ситуации, когда переводчик прибегает к описательному / разъяснительному переводу, переводу методом аналогов, созданию семантического неологизма и др.

10) Случаи *субъективного отсутствия эквивалентов* и их преодоление переводчиком. Под случаем субъективного отсутствия эквивалента мы понимаем ситуацию, когда переводчик не знает соответствующую ЛЕ ИЯ или не может её быстро вспомнить. Как правило, решениями в таких случаях являются: а) развёрнутый описательный перевод; б) приём генерализации (замена родового понятия видовым); в) использования маркеров дистанцирования в комбинации с аналогом, т.е. выражений типа “так называемый”, “своего рода” (срн. нем.: *der so genannte, eine Art ...*)

11) При переводе выступлений: перевод вводных (обращение к публике и организаторам мероприятия; благодарность за приглашение и пре-

доставленную возможность выступить; введение в тему предстоящего доклада и проблематику вопроса) и завершающих слов выступления (резюмирование основных идей выступления, очерчивание перспектив, благодарность за внимание). Если посмотреть на структуру выступлений (будь то политическая речь или доклад на пленарном заседании международного конгресса), становится очевидным, что почти все они имеют аналогичную структуру и предполагают использования соответствующих стереотипных языковых средств. Психологически со стороны адресатов при распределении концентрации внимания на отдельных частях доклада фокусирование происходит именно на начале и завершении выступления. Как раз эти части переводчик должен передать безукоризненно (как в аспекте безошибочного выбора прагматически адекватных языковых средств, так и просодической и риторической организации выступления).

Базируясь на описанной модели, представляется целесообразным сделать следующие **выводы и рекомендации** для преподавания курса “Практики устного перевода”:

1. Очевидным является тот факт, что традиционные формы проведения занятий по УП (прослушивание текста – переводческая скоропись во время рецептивной фазы – воспроизведение на ЯП) не позволяют должным образом сформировать у студентов тот уровень переводческой компетенции, который предполагает практическая повседневная работа. Альтернативой являются два типа занятий по последовательному переводу. Во-первых, двусторонний перевод, который проходит в форме диалога (интервью, переговоров, обсуждения и т.п.), где в роли коммуникантов выступают два преподавателя (в идеальном варианте носители двух языков, каждый из которых говорит на родном для него языке), а студент осуществляет перевод. Данный весьма эффективный вид тренировок обеспечивает динамическую составляющую процесса обучения (возможность изменять ход диалога в зависимости от перевода: продолжительность отдельных блоков, реакция на допущенные ошибки). Во-вторых, односторонний перевод, пред-

полагающий работу с текстами выступлений политических деятелей, докладов на конференциях и т.п. Эти два типа занятий обеспечивают максимальную приближенность соответствующих упражнений к практической работе.

2. Наряду с приобретением общей переводческой компетенции одной из задач занятий по УП является формирование у студентов способности к адекватному самоанализу и анализу перевода одноклассников. На занятиях по двустороннему переводу целесообразно использовать следующий алгоритм работы. Студент осуществляет перевод коммуникативного блока (диалог на заранее оговоренную тематику с относительно высокой степенью спонтанности ответов собеседников общей длительностью 20-30 минут, по 5-6 высказываний для перевода на ИЯ и РЯ). После перевода три других студента, предварительно получив задание подготовить анализ одного из аспектов (см. выше), дают свою характеристику перевода одноклассника с определённой перспективы. Обсуждение должно носить характер конструктивной критики. Преподаватель выступает модератором данной дискуссии, подводя к обсуждению тех или иных деталей (удачных переводческих решений и ошибок, в особенности таковых, которые имели отрицательные последствия для коммуникации). Затем преподаватель резюмирует основные моменты, в особенности останавливаясь на языковых ошибках. Поскольку на начальных этапах важным представляется стимулирование уверенности студента в себе, преодоления страха от непредсказуемости развития диалога, преподавателю не следует делать особый акцент на грамматических ошибках, которые не влекут серьёзных последствий для понимания.

3. Не все из перечисленных подпунктов являются в одинаковой степени релевантными для каждого перевода и при анализе необходимо сконцентрировать внимание на тех аспектах, которые особенно выделялись в данном блоке.

Безусловно, реальный процесс УП является динамичным и единым целым, а разделение его анализа на блоки достаточно условно и представ-

ляет собой упрощённый, алгоритмический подход к данному феномену в дидактических целях, направленных на формирования комплекса умений и навыков, которые репрезентируют переводческую компетентность. Перспективой данного исследования является разработка конкретной шкалы оценивания УП, учитывающей три вышеописанных блока критериев.

ЛИТЕРАТУРА

1. Мирам Г. Э. Профессия: переводчик / Мирам Г. Э. – К. : Ника-Центр, 2006. – 158 с.
2. Elsagir I. M. Anforderungen an Dolmetschleistungen im Fernsehen aus Zuschauersicht: Eine Fallstudie / I. M. Elsagir // Kalina S., Buhl S., Gerzymisch-Arbogast H. Dolmetschen: Theorie – Praxis – Didaktik. – St. Ingbert : Röhrig Universitätsverlag, 2000. – S. 107–123.
3. Gerzone G. Quality and norms in interpretation / G. Gerzone // Gerzone G., Viezzi M. Interpreting in the 21st Century. Challenges and Opportunities. – Amsterdam / Philadelphia : J. Benjamins, 2002. – P. 107–119.
4. Gile D. Norms in Research on Conference Interpreting. A Response to Theo Hermans and Gideon Toury / D. Gile // Schäffner C. Translation and Norms. – Clevedon : Multilingual Matters, 1999. – P. 98–105.
5. Kalina S. Quality in interpreting and its prerequisites: A framework for a comprehensive view / S. Kalina // Gerzone G., Viezzi M. Interpreting in the 21st Century. Challenges and Opportunities. – Amsterdam / Philadelphia : J. Benjamins, 2002. – P. 121–130.
6. Kutz W. Gut für wen? Zur Bewertung von Konsekutivdolmetschleistungen / W. Kutz // Fleischmann E., Kutz W., Schmitt P. A. Translationsdidaktik. – Tübingen : Narr, 1997. – S. 243–254.
7. Kutz W. Zur Bewertung der Dolmetschqualität in der Ausbildung von Konferenzdolmetschern / W. Kutz // Lebende Sprachen. – № 1. – 2005. – S. 14–34.
8. Mack G. Die Beurteilung professioneller Dolmetschleistungen / G. Mack // Best J., Kalina S. Übersetzen und Dolmetschen. Eine Orientierungshilfe. – Tübingen : Franke, 2002. – S. 110–119.
9. Pöchhacker F. Quality assessment in conference and community interpreting / F. Pöchhacker // Meta. – № 2. – 2001. – P. 410–425.
10. Rumprecht K. Die Nürnberger Prozesse und ihre Bedeutung für die Entwicklung des modernen Konferenzdolmetschens / K. Rumprecht // Kalverkämper H.; Schippel L. Simultandolmetschen in Erstbewährung: der Nürnberger Prozess 1945. – Berlin : Frank & Timme, 2008. – S. 151 – 336.

© Д.А. Данильченко, 2010